

ГЛАВА 25 (ЧАСТЬ 1)

Лун Юй методично, палец за пальцем, тыкал в зверька с жёлтой шкуркой и чёрными полосками. Это была тигровая белка — вид крайне редкий, почти исчезающий, но он без тени жалости раз за разом щелчком бил несчастного кроху по лбу.

— Я тебе говорил — иди смирно на перерождение! Говорил — не вздумай отдавать за него долги! Велел пить отвар Мэн-по, а ты что сделал? Выплюнул! Ну и кто ты теперь? Оболтус!

Он нанёс очередной точный удар, от которого белка опрокинулась навзничь. Зверёк тут же вскочил и яростно застрекотал. Если перевести этот писк на человеческий язык, выходило короткое: «Моё дело!»

— Твоё дело, значит? — он скептически приподнял бровь. — Ну раз ты так желаешь, будешь платить. Он задолжал мне милость, а отплатил чёрной неблагодарностью. По моим подсчётам, ему шестьсот лет не видать человеческого обличья. Так что ты, — он снова ткнул пальцем в пушистый лоб, — побудешь моим рабом эти шесть веков. Как только выплатишь всё до последнего медяка, я отпущу его душу на перерождение. А иначе...

Он протянул руки и обхватил белку ладонями, слегка сжав.

— Раздавить его душу для меня так же просто, как придушить тебя прямо сейчас.

Зверёк замер, шерсть на хвосте встала дыбом. «Какой же он кровожадный! Просто кошмар!» — испуганно смотрел зверёк.

Яи с улыбкой наблюдал за своим «жестоким» возлюбленным. В его глазах Лун Юй в любой ипостаси был само совершенство. Знай об этом белка, он бы наверняка запрыгал от негодования: «Где здесь совершенство?! Где тут милота?! Это же воплощение ужаса!»

Лин Мо и представить не мог, что обратится белкой. Всё из-за той злополучной чаши. Стоило ему прийти в себя после глотка отвара забвения, как накатила приступ кашля. Когда его уже швырнули через мост Най, он в последний момент вцепился в перила и выплеснул всё, что успел проглотить. И что в итоге? Почтенная Мэн-по, недолго думая, просто отвесила ему пинка, отправив в полёт на ту сторону.

Очнулся он уже в шкурке грызуна, запертым в клетке. И вот теперь он сидит перед Лун Юем, терпя его издевательские щелчки. Лоб нещадно ныл.

Белка бессильно опустил на лапки прямо на столе, умоляюще глядя на мучителя.

— Господин Миньхоу, вы ведь великий человек, проявите милосердие, отпустите А-Ци, — пропищал зверёк. — Будьте великодушны, забудьте старые обиды. Говорят же: отдавая

добром за зло — это ведь и есть истинная добродетель.

— Ха! — Лун Юй холодно усмехнулся и снова ткнул белку в макушку. — Знаешь, какую фразу я ненавижу больше всего? Именно эту: «воздавай добром за зло». Если за зло платить добром, то чем тогда платить за само добро? Он мой должник, и он заплатит. А раз ты вызвался за него отвечать, я буду держать тебя на коротком поводке. Иначе он переродится, ты сбежишь, а я останусь в убытке.

Белка закатил глаза.

«Сколько же в тебе расчётливости? Тебе самому-то не тошно так жить?»

— Ничуть не тошно. Напротив, это весьма забавно, — рассмеялся тот, словно прочитав мысли грызуна.

Зверёк тут же сменил тактику, решив переключиться на того, кто мог повлиять на ситуацию.

— Владыка Преисподней, неужели вы терпите его выходки?! — это была откровенная попытка вбить клин между супругами.

— Мой милый не строит козней против меня, — спокойно ответил Яи, перехватил руку Лун Юя и нежно поцеловал его в ладонь.

Зверёк снова закатил глаза. Ну конечно, иного ответа и ждать не стоило.

— Лун Юй, как думаешь, какое имя подойдёт этому крохе? — с коварной усмешкой спросил Яи. Он прекрасно знал привычки своего супруга: если Лун Юю кто-то нравился, он давал красивые, звучные имена — как Цзи Лянь или Янь. Если же нет...

— Раз он такой глупый и твердолобый, назовём его Оболтусом, — не раздумывая, отчеканил Лун Юй.

Яи остался доволен — предсказание сбылось.

Белка — вернее, теперь уже Оболтус — буквально окаменел. Неужели нельзя было придумать что-то менее обидное?

Пока он пребывал в ступоре, Лун Юй коснулся его головы, активируя принудительный контракт. Слуга-контрактник на шестьсот лет по имени Оболтус. И пока договор в силе, имя это не смыть ни одной молитвой.

Зверёк расплакался. Это была вопиющая дискриминация! Где защита прав беличьего населения?!

Ответ был очевиден: её не существовало.

Перед лицом Миньхоу не имело значения, человек ты, небожитель или белка — на твои права здесь всем было наплевать.

В Преисподней много знаковых мест: Остров Ушедших Душ, где находят приют нечеловеческие сущности; Чистилище, где томятся закоренелые грешники, чьи души невозможно просто стереть. Из нижних уровней Чистилища — а их сто восемьдесят — хода нет никому. Но было и другое место, о котором мало кто слышал: Павильон Мягких Душ.

Раньше он пустовал, но с приходом нового Миньхоу всё изменилось. В делах Преисподней всегда хватало путаницы: чьи-то кармические узлы были просты, чьи-то — запутаны в мёртвую петлю. Кто-то неоправданно становился мстительным духом, кто-то исчезал, не дождавшись исцеления души. Раньше это было головной болью канцелярии.

Лун Юй, взяв Павильон Мягких Душ под крыло, упорядочил хаос. Он запечатывал такие души в духовные камни, классифицируя их по категориям. Обиженным давал право вернуться в мир людей для мести. Тем, чьи души были неполны, помогал восстановиться. Но самой необычной стала категория «Заложники». Туда попадали души, чей долг перед другими был велик, но нашёлся кто-то, решивший платить за них. Пока долг не будет погашен, такая душа не уйдёт на перерождение. Именно там, под печатью, теперь находился Фан Цинъюй.

С тех пор как открылся Павильон Мягких Душ, страж Сяо Сан не переставал удивляться. Оказалось, дело было не в бесполезности павильона, а в том, что им просто не умели пользоваться. Вернее будет сказать, Лун Юй не верил в прощение — он верил в справедливость и возмездие, и именно эта философия вдохнула жизнь в старые стены.

Стоило Оболтусу узнать, что Фан Цинъюй запечатан и заперт в Павильоне Мягких Душ, все его попытки бунтовать сошли на нет. Ради спасения А-Ци ему оставалось только покорно служить Лун Юю. Он надеялся, что, пока они в Преисподней, ему удастся хоть мельком увидеть друга, но планам не суждено было сбыться. Дети — Сы Чэнь и Фань Е — подросли, и Лун Юй с Яи, сложив с себя повседневные заботы, решили отправиться в путешествие по мирам. И Оболтусу, волей-неволей, пришлось следовать за ними.

Мир людей, как говорили, состоял из трёх тысяч восьмисот измерений. Природа и обычаи в них порой различались кардинально. Где-то жили только женщины, где-то — мужчины; в одних царил патриархат, в других — матриархат, а где-то процветало равенство. Но финал у всех был один: души возвращались в Преисподнюю, чтобы вновь отправиться в путь, и не всегда в тот же мир, откуда пришли. Время в этих измерениях тоже текло по-разному, с разницей в тысячи лет.

Лун Юй наугад открыл портал и потянул Яи за собой. Ему было неважно, куда они попадут,

лишь бы там не было засилья женщин — лишние хлопоты ему были ни к чему.

Они оказались в простом мире, разделенном между двумя государствами: Фэнси и Линбэй. Эти две страны владели почти всей сушей, оставив лишь крохи земель кочевникам и отшельникам. Из-за огромных территорий обоим правителям хватало внутренних забот, так что на войны с соседями времени не оставалось. Между монархами существовало негласное соглашение, и на границах царил мир.

В стране Фэнси бушевали ветра, а часть земель занимали пустыни. Линбэй же, напротив, был краем дождей. Ясные дни там можно было пересчитать по пальцам, зато леса поражали густотой. Фэнси славилась урожаями зерна, а Линбэй — речными деликатесами и грибами. Торговля между ними процветала, дополняя нужды друг друга.

Лун Юй всегда любил дождь, а Яи, как истинный житель Преисподней, хоть и не боялся солнца, предпочитал прохладную тень и пасмурное небо. Единогласно они выбрали Линбэй. Мнение Оболтуса, который ненавидел сырость и вечно хандрил без солнца, в расчёт не принималось.

Они остановились в городке Мяошуй. Это было уютное поселение на воде, расположенное неподалёку от крупного торгового центра — города Лишуй. Благодаря близости мегаполиса торговля в Мяошуй кипела: многие купцы предпочитали останавливаться здесь на ночлег, ведь цены в городке были куда приятнее столичных.

— Прелестное место, — Лун Юй стоял на носу лодки, разглядывая домики, чьи стены омывались речной водой. Пейзаж пришёлся ему по вкусу.

— Тебе нравится, и это главное, — Яи стоял за его спиной, держа над ним зонт. Дожди здесь шли почти не переставая, и сегодня небо тоже затянуло серой пеленой, из которой сеялась мелкая морось.

Оболтус, кутаясь в плотные одежды и обхватив ладонями чашку с горячим чаем, отказывался выходить из каюты. После заключения контракта он из белки превратился в симпатичного юношу лет тринадцати-четырнадцати, но тёмно-жёлтые волосы изрядно портили образ. Впрочем, местных это не удивляло: Линбэй граничил со многими иноземными племенами, и необычный цвет волос считался лишь признаком смешанной крови.

— Малыш, сейчас ещё совсем не холодно. Привыкнешь, — добродушно усмехнулся лодочник.
— Посмотри на своих господ, им погода нипочём.

«У одного нет сердца, у другого — души, вот они и не мерзнут!» — угрюмо подумал Оболтус.

— Дядюшка, а бывает ещё холоднее? — спросил он вслух.

— О, ещё как! К зиме начинаются самые холода. Вода-то не замерзает, но сырость пробирает до самых костей, — старик рассмеялся, заметив, как паренёк сжался. — Да ты не бойся! В доме затопишь пожарче, и никакая стужа не страшна. Ты, я гляжу, ровесник моему старшему. Как звать-то тебя?

— А-Мо, — буркнул юноша. Называться Оболтусом он не собирался — слишком уж резало слух.

Лун Юй обернулся и насмешливо улыбнулся.

— А-Мо, мы причаливаем. Если сейчас же не выйдешь, я продам тебя лодочнику в невестки для его сыновей! Как раз в счёт оплаты проезда.

— А что, дело говорите! — хохотнул старик. В этих краях мужские союзы не были редкостью, у него самого подрастало двое сыновей, так что идея пришлась ему по душе.

Лин Мо, представив себя в роли «невестки», почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он пулей выскочил на палубу.

— Я здесь!

Лун Юй окинул его равнодушным взглядом.

— Никакого толка от тебя.

Яи лишь молча приобнял супруга за талию.

— Мне ещё за А-Ци приглядывать нужно, — серьёзно отозвался А-Мо.

Лун Юй промолчал, а Яи лишь холодно усмехнулся. Оба они знали: этим двоим не суждено быть вместе.

— Почтенный, причаливай вон там, — распорядился Яи.

Лодка мягко ткнулась в каменные ступени у кромки воды. Яи первым сошёл на берег и подал руку Лун Юю. А-Мо осторожно ступил на скользкий камень, пошатнулся и едва не угодил в реку, но лодочник вовремя подхватил его, помогая обрести опору.

Расплатившись, путники проводили взглядом уплывающую лодку. Двое господ и их слуга неспешно двинулись по узкой улочке, а дождь тем временем начал набирать силу, превращаясь из мелкой мороси в плотный поток.

<http://bllate.org/book/17533/1705372>